

Владимир КОРКУНОВ

ВЫВЕРНУТАЯ ПЕРЧАТКА МИРА

Павел Кричевский. Над плечами минут. – М.: ЛитГОСТ, 2021. – 58 с.

Стихам, как винам, черёд наступает не всегда. Иногда человек как вино – и *дозреть* должен именно он, а стихи придут вслед. Именно это – случай Павла Кричевского. Несколько десятилетий (!) он писал конвенциональные тексты, а на шестом десятке, поставивший *всего себя на кон* – перечеркнул себя – а точнее, свои тексты – прошлого.

Это смелый шаг – а я знаю, что Кричевскому пришлось столкнуться с непониманием и даже осуждением близких друзей. Так освобождение (а рифма и избитые темы/образы его очевидно сковывали) бьётся о взгляды тех, кто привык видеть узника в конвенциональных тисках.

Или ещё живого существа, сдавленного со всех сторон традициями, как в фильме Шьямалана «Таинственный лес».

Павел Кричевский совершает маленький подвиг *над собой*, перестраивая свой мир, оправдывая слово «своеобычный»: из *обычных* стихов он создаёт *свои*.

Необходимое условие – пусть и на шестом десятке лет. Особенно на шестом десятке. Это вызывает уважение – и робкую радость и гордость. Переход из конвенциональных куц в верлибр – зачастую и есть единственный путь для человека, который, отряхиваясь от чужих слов и образов (обычно застрявших на уровне Серебряного века или шестидесятников, ну хорошо, от Пастернака до Бродского), находит, наконец, свои.

Примеров немало: Ирина Котова, Мария Малиновская, Александра Шевченко, Андрей Костинский, Егор Мирный и т.д. Те, у кого получилось. Тех, у кого не вышло, – куда больше.

Рецензируемая книга – небольшая. Я бы сказал, удачно небольшая, потому что публиковать *все стихи*, случившиеся после личного обряда перехода, было бы ошибкой; всё же язык автора пока неустойчив, и наряду со стереоскопично прописанными текстами, такими как «свет вянет по хрупкому лучу осени...» или «жода реквиема», в книгу помещены и не, скажем, совсем обязательные, вроде «кот норкин» или «фрагменты дневников первых колонистов Марса».

Книга нужна, чтобы зафиксировать изменения, произошедшие в авторе, стать отправной точкой для дальнейшей работы.

В текстах Кричевского объединён его прошлый опыт, новая техника, а главное – новое видение. Оптика и её регистры. В них множество выхваченных из мира наблюдений, флоры и фауны. Кажется, оппозиция «человек – природа» (а это путь по направлению «человек – мир») для него сегодня ключевая. А метафора, через неочевидные регистры которой просматривается мир, – основной троп.

свет вянет по хрупкому лучу осени
пчелы стали воспоминаниями
последних хризантем

ткнут нитями неслышимых запахов тело ветра

кожа воздуха истончилась —
и если присмотреться
в каплях дождя спрятаны зародыши снега

или:

вода в озере становится гладкой чувствительной
дышит пытается вернуть к жизни отражения
давно нашедшие в ней покой имена будущих жизней

дыхание воды тень ветра

Здесь *не только* отражения. Но и проникновение за грань неведомого, прорыв (в прямом смысле от «разорвать») в небо. Кричевский доводит *приём негатива* до абсурда (см. текст Хельги Ольшванг «Я не ворон, я мельник...» — отражение известного пушкинского текста), тем самым расширяя пространство слов.

Он и расширил — и разорвал узилище пространства, выйдя на павичевской оборотной стороне ветра наружу. И вот — с этой оборотной оптики и описывает то, чего касается взгляд/мысль. Здесь две основные оптические модели:

— отстранения от субъекта говорения:

...где воздух
уплотнившись в воду достиг черного горизонта
он смотрит рыбам в зрачки и знает
о чем их молчание

— приближения к нему, через (пере)воплощение в рассказчика:

когда нас унесло в море
в крошечной резиновой лодке
взятой у кого-то на плоском как ночь без снов
утопанном криками смехом плачем городском пляже
унесло настолько что стало ясно
дороги назад не существует
даже в воспоминаниях скользящих куда-то вниз
где должно быть дно но его конечно нет
когда мы поняли что смерть — это всего лишь
капля небытия в этом море

Поэтика Кричевского строится на вычитании, личной форме минус-приёма: вначале он отказывается от рифмы, затем от пунктуации, после — от прописных букв. Освобождая и *очищая* текст. Видимо, это необходимая форма обнажения — и истончения, когда языку больше не нужно *проговаривать всё*.

В текстах Кричевского ещё чувствуется словесное излишество — но оно редуцируется, стёсывается чичибабинскими пунктирами; он оставляет мир без себя, как Чичибабин оставлял помидоры, и сам себя высылает из прошлого мира (заключения) в новый (свободы). Вот она, вывернутая перчатка ветра!

А вот предчувствие поэзии, что важно — данное в начале сборника:

рисуешь ночь
на тонком пергаменте сна

кляксы выпавших звезд —
тайнопись неба
о наших еще не прилетевших
днях

Длинных текстов в книге не так много, про одно («когда нас унесло в море...») мы коротко сказали, остановимся ещё на одном. Это: «Астронавта Армстронга похоронили на дне океана...» Оно апеллирует к известным строкам Виталия Пуханова: «Гагарин соврал лишь раз в жизни...» — но Кричевский опрокидывает месседж пухановского текста. Не просто десакрализируя мысль *космос — это где-то рядом с Богом*, а помещая полёт к звёздам в декорации античной трагедии.

И это получается лучше, чем в недавнем фильме Йоргоса Лантимоса со схожей аналогией «Убийство священного оленя» (там олень Артемиды приравнен к отцу бога-героя, что, на мой взгляд, как минимум неубедительно).

жизнь Армстронга — вдох взлета и выдох посадки
смерть Армстронга — прилив океана и отлив

прилив <...>
видит изнанку отражений —
из чего сотканы движения и паузы
из чего соткан лунный свет в котором он плыл
думая что идёт по твердой поверхности
Луны и Земле слов и мыслей

отлив
при чем здесь паузы? <...>
прилив
Армстронг сух изнутри <...>
где воздух
уплотнившись в воду достигает черного горизонта
смотрит рыбам в зрачки и знает
о чем их молчание

Армстронг предстаёт в роли Бога, а явная театральная бутафория (приливы и отливы — конечно же, античный хор) снижают пафос текста.

Но главные стихи — о мире и — уже — о природе, через которую происходит познание мира и себя. Практически из таких стихотворений составлена подборка Павла Кричевского в недавней «Артикуляции», чуть отстранённое (но не без главных интенций) получилась публикация в «Цирке “Олимп”+TV» — я называю главные пока публикации Кричевского после трансформаций, произошедших с его поэтикой.

В книге есть и переводы — с английского и украинского языков. Первый — профессиональный язык Кричевского-педагога (тут уместно вспомнить о его победе на конкурсе Кембриджа и стажировке в Великобритании), второй — родной (автор родом из украинского города Сумы, но с начала 90-х живёт в Подмосковье).

Константа, на которой держится сборник Павла Кричевского — мир изменён. Вопрос, возникающий у критика: приручен ли? Не произойдёт ли возвращение к себе прежнему, в условия комфорта и местечкового одобрения? Я думаю об этом сейчас и спрашивал себя, когда читал книгу и писал эту рецензию.

Демидург себя раз за разом переживает семь дней творения в попытках его приучить. Изучать других и бродить проторенными тропами – в этом нет ничего плохого. Но клубок поиска должен когда-нибудь привести к себе – дать возможность говорить собой, найденными словами, найденным миром.

Каждым текстом творения.

В каждый из бесконечно проживаемых дней.